

УДК 81'372.881

Гун Мин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

**СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ УСТАРЕВШЕЙ ЛЕКСИКИ
В РОМАНЕ А.Н. ТОЛСТОГО «ПЁТР ПЕРВЫЙ»
И ИХ ПЕРЕДАЧА НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК**

Аннотация. Язык романа А.Н. Толстого «Пётр Первый» традиционно рассматривается как один из наиболее замечательных примеров языкового мастерства писателя, в том числе и в плане использования автором устаревшей лексики различного характера. Указанный момент часто затрудняет его адекватную межязыковую передачу, особенно когда речь идёт о читательской аудитории, резко отличающейся в плане национально-культурной специфики. В предлагаемой статье анализируется с этой точки зрения китайский перевод романа, принадлежащий Чжу Вэню, и использованные в нём приёмы передачи данного пласта лексики с целью сохранения исторического колорита произведения.

Ключевые слова: русский, китайский, роман, перевод, лексика, стилистический, А.Н. Толстой.

Ming Gong

National Research University «Higher School of Economics», Moscow

**STYLISTIC FUNCTIONS OF HISTORISMS IN A.N. TOLSTOY'S NOVEL
“PETER THE GREAT” AND THEIR TRANSLATION
INTO THE CHINESE LANGUAGE**

Abstract. The language in A.N. Tolstoy's novel «Peter the Great» is traditionally regarded as a vivid example of the writer's mastery of the language, and the use of archaisms is one of the proofs of his skill. But at the same time archaisms often make it very hard to give adequate translation, especially for readers with different cultural background. In this article, we are trying to research the translation of the novel into the Chinese language by Mr. Zhu Wen, as well as methods and practices to keep the historic flavour of original novel.

Key words: Russian, Chinese, novel, translation, archaism, historism, stylistic, Aleksey Tolstoy, Zhu Wen.

А.Н. Толстой известен как один из крупнейших мастеров русского слова, уделявший особое внимание языку своих произведений. «Чтобы понять тайну русского народа, – писал А.Н. Толстой, – нужно хорошо и глубоко

ко узнать его прошлое: нашу историю, коренные узлы её...» [4, т. 1, с. 87].

А.Н. Толстой работал над историческим романом «Пётр Первый» на протяжении примерно двух десятилетий. Он является тем классическим произведением, которое даёт читателям, в

особенности иностранным, уникальный шанс погрузиться в корни и историю России, даёт нам возможность заглянуть через “окошечко”, увидеть мир, Россию во времена царствования Петра Великого [1, с. 6].

Издание «Петра Первого» в переводе на китайский язык, выполненном г-ном Чжу [5], служит ярким примером интереса китайских читателей к русской культуре. Мы попытаемся проанализировать использование автором устаревших слов и их презентацию в китайском переводе, поскольку она в значительной степени является ключом к глубокому пониманию всего романа и атмосферы эпохи. В данной статье предпринята попытка исследовать перевод с позиции китайских читателей, интересующихся историей и культурой России.

Основным объектом исследования являются, таким образом, устаревшие слова, которые вышли из активного употребления. В русской лингвистической традиции их принято подразделять на историзмы – наименования исчезнувших предметов, явлений и понятий и архаизмы – названия предметов и явлений, существующих в настоящее время, но обозначаемых другими словами [4, с. 77].

Успех в их межъязыковой передаче в значительной степени зависит, помимо наличия у переводчика литературного таланта, от того, насколько глубоки его фоновые знания о той эпохе, которая отображена в этом романе. Речь идёт, в первую очередь, о знании реалий, присущих описываемому периоду русской истории, а также об отображающих их лексических и фразеологических единицах. Естественно, что их адекватное воспроизведение

сталкивается с большими сложностями, тем более, когда в функции переводчика выступает язык иной культуры. Именно так обстоит дело с китайским переводом названного произведения, перед создателем которого стояла задача отразить указанный пласт лексики, обладающий ярко выраженной национально-культурной спецификой.

В предлагаемой статье сделана попытка предварительного рассмотрения некоторых аспектов данной проблемы на примере китайского перевода названного произведения, принадлежащего Чжу Вэню [5], который вышел в свет в 1986 г., и анализа того, какую переводческую стратегию избрал создатель перевода в тех или иных отдельных случаях.

При характеристике национально-культурной специфики русского и китайского языков часто обращают внимание на то обстоятельство, что, будучи языками с древней литературной традицией, они обладают в лексическом плане заметной спецификой. Если для первого характерно наличие большого количества слов, дающих возможность детально описать предметы и явления действительности, то китайский язык располагает значительным пластом лексики, передающий философские и логические понятия. Указанный момент, естественно, должен был оказать существенное влияние при выполнении стоявшей перед переводчиком задачи по переводу романа.

А.Н. Толстой самым серьёзным образом изучал народный язык Петровской эпохи, и этот язык нашёл самое широкое применение в романе «Пётр Первый».

В целом китайский переводчик сохраняет имеющиеся в подлиннике

описания жизни и быта отражаемой в романе эпохи и личности главного героя. Однако передача лексико-стилистической окраски подлинника в рассматриваемом нами аспекте удаётся ему далеко не всегда; например: *Мать творила тесто...* [3, с. 6] – 母亲揉好了面团。 (Му цинь жоу хао лэ миань туань). *Творить* – (*устар.* и разг.) приготовлять, размешивая с чем-л. жидким, разводя чем-л. жидким. *Мать творила тесто.* А.Н. Толстой, Пётр Первый. *[Бабушка]* пошла творить квашню [2, т. 4]¹. Перевод данного предложения не отражает какого-либо временного колорита. Само слово «мать» (母亲) передано китайской лексической единицей, которая относится к периоду после 50-х гг. XX в. Таким образом, происходит в определённой степени модернизация подлинника. Чтобы её избежать, можно было бы применить слово «э-ниан» (額娘), которое было распространено в Китае в эпоху династии Цин (XVIII в.). Слово «творить», возможно, не имеет подобного эквивалента в данном значении. Но мы считаем, что применение слова «мать» – «э-ниан» (額娘) позволило бы компенсировать указанную лакуну и тем самым сохранить имеющийся в оригинале временной колорит.

Рассмотрим следующий пример: *А с мужика большие одной шкуры не сдерёшь* [3, с. 7] – 可是你总不能一次又一次地剥农民的皮啊。 (Кэ ни зун пу нэн и цы ю и цы дэ по нун минь дэ пи а). Слово «мужик» в романе подразумевает крепостных крестьян, а не просто

крестьян того времени. В китайском переводе романа «мужик» был передан лексемой со значением «крестьянин», что несколько искажает смысл исходного текста. Более точный перевод, передающий исконное значение – «нунну» (农奴). Данное слово отражает и социальный статус людей, о которых идёт речь в процитированном фрагменте, и соответствующий исторический колорит. Следует отметить, вместе с тем, что в целом перевод данного предложения сохраняет литературную стилистику автора оригинала.

Проанализируем другой пример передачи устаревшей лексики на китайский язык: *Кнутом ожечь по гладкому заду эту девку* [3, с. 10] – 茨冈人正想往这个姑娘的光滑的背上抽一鞭子。 (Цы ган жэнь чжэнь сян ван чже гэ гу нянь гуань хуа дэ пэй шан чоу и пиань зи). *Девка* (*устар.*) – крестьянская девушка (ср.: *Мужики сгребали невеянное зерно в ворох, бабы и девки заметали* [3, с. 5]). В китайском переводе слово «девка» заменено на нейтральную «девушку». Таким образом, с одной стороны, оказалась утраченной присущая указанному слову эмоционально-экспрессивная окраска, а с другой – характеристика социального положения персонажа, о котором идёт речь. Мы считаем, что для более точного перевода слова «девка» целесообразнее использовать слово «女婢» (нью-пи), которое обозначает ‘невольная служанка’. Можно также отметить, что в переводе слово «зад» было заменено на «спину». Это, возможно, объясняется или ошибочным пониманием данного слова переводчиком, или цензурными соображениями, актуальными в период выхода романа в свет. Однако нельзя не заметить, что смысл описанного

¹ См.: Словарь русского языка в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой (МАС). – Т. 4. [Электронный ресурс]. – URL: <http://feb-web.ru/feben/mas/mas-abc/19/ma434419.htm> (дата обращения: 23.10.2013) [2].

в романе эпизода при такой замене довольно существенно меняется.

Рассмотрим ещё пример: *Царица* дико завизжала [3, с. 19] – 太后发疯似的尖叫起来。(Тай –хуо фа фэн ши дэ диан дяо чи лай). Слово «царица» в романе «Пётр Первый» входит в лексико-семантическую группу, которую составляют слова, обозначающие должности и звания, наряду с единицами, обозначающими высокое общественное положение лиц, такими, как *царь, боярин, князь, помещик, воинские звания (мушкетёр, оружейник, ратник, рында, стольник, стрелец)*, слова, показывающие социальный статус (*челядь, холоп*). В китайском переводе очень удачно применяется слово, которое использовалось в Китае в XVIII в. – «тай-хоу», и которое в точности передаёт смысл лексемы «царица».

Особо следует отметить лексико-семантическую группу, которую составляют слова, обозначающие военную лексику. Сюда относятся такие лексемы, как *бердыши, кольчуга, копьё, латы, мушкет, потешные войска, фашина*. Так, *бердыши* – старинное оружие – широкий длинный топор на высоком древке с лезвием в виде полумесяца [3, с. 42]. Например: *Иван Андреевич в исподнем белье выскочил из шатра, размахивая бердышом* [3, с. 37] – 伊万安德耶维奇仅仅一身衬衣, 从帐篷里冲出来, 抢起月牙斧 (Иван Анделиевычи цзинцзин ишен чэнни, чжун чжанпэн ли чунчшу лай, луньчи юэйяфу «юуэ я фу» (月牙斧) (Топор с формой полумесяца)). В Китае нет подобного оружия, поэтому для передачи его особенностей и назначения переводчик вполне целесообразно использует приём описательного перевода.

Третью лексико-семантическую группу составляют слова, обозначающие

одежду. В эту группу входят такие слова, как *кафтан, лапти, терлик, ферязь*. Ввиду присущей национальной одежде специфики, соответствующие наименования обычно не имеют полноценных эквивалентов в других языках. Указанное обстоятельство также обуславливает тот факт, что в рассматриваемой китайской версии романа наиболее часто используется приём описательной передачи. Приведём некоторые примеры:

- *кафтан* – старинная мужская долгополая одежда [3, с. 275] / «вэй и» 外衣 (одежда для улицы);
- *лапоть* – в старое время: крестьянская обувь, сплетённая из лыка, охватывающая только стопу [3, с. 327] / «шу пи сиэ» 树皮鞋 (обувь из лыка);
- *терлик* – длинный кафтан с перехватом и короткими рукавами / «дунь сюй чжань вэй и» 短袖长外衣 (длинная одежда для улицы с короткими рукавами) [3, с. 10];
- *ферязь* – верхняя длинная одежда с суживающимися к запястью рукавами; застёгивалась на пуговицы или схватывалась завязками; например: ... в новопошитых *ферязях*, в *терликах*, в турских *кафтанах*, – весь уезд съезжался на Лубянскую площадь... [3, с. 10] – 锁子铠, 护胸甲, 新制的无领长袖衣, 短袖长外衣, -全县的人都聚集在卢布扬卡广场上 (суоцзикай, хуциунцзя, синьчжи дэ вусиуцзунь, дуансиу чжанвайи, - чуансиань дэ жэн доу чжуцзицзай Лубянка гуанчжан); сп.: «в у лин чжан сюй и» 无领长袖衣 (длинная одежда без воротника).

Четвёртую лексико-семантическую группу составляют слова, обозначающие строения и их части. Это такие слова, как *келья, опочивальня, поварня, палата, панерть, посад, слобода, хоромы*.

Приведённые ниже примеры показывают, что при их передаче достаточно широко используется приём функционального аналога. Как отмечают болгарские исследователи С. Влахов и С. Флорин со ссылкой на А.Д. Швейцера (оговаривая, что в данном случае возможна модификация термина болгарского исследователя А. Людсканова «функциональный эквивалент»), под последним понимается «элемент конечного высказывания, вызывающего сходную реакцию у русского читателя» [1, с. 91]; ср.:

– *келья* – уединённое и скромное жилище, комната [3, с. 278] / «чжань фан» 禅房 (комната для медитации у буддийских монахов);

– *опочивальня* – то же, что и спальня [3, с. 468]; ср.: *Пётр ткнулся на табурет, с досадой оглядывая матушку опочивальню* [3, с. 84] –彼得撞在凳子上，透过卧室望着母亲的痛苦。«Петр чжуан зэй дэн з ишан, тоу гуо воши ван джэ му цзинь дэ тун ку»; или «чин гун» 寝宫(спальный зал во дворце) – в китайском переводе использована лексическая единица с указанным значением, относящаяся к XVIII столетию.

Пятую лексико-семантическую группу составляют слова, обозначающие бытовые понятия: *бадья, взвар, возок, кадка, карета, короб, лучина, лыко, рундук, чепрак*. При передаче этой группы используются аналогичные приёмы; например: *Иван Артемьевич запряг и стал поить коня из бадьи* [3, с. 6] – 伊万阿尔捷米奇把马套好了，让它到木桶里去喝水 (Иван Артемьевич ба ма тао хао ле, жан та дао му тун ли чу хэ шуэй). *Бадья* – широкое низкое ведро [3, с. 31] / «шуэй пэнь» 水盆 (ёмкость для воды).

Как видим, этот несложный и довольно-таки примитивный арсенал

сравнений подобран писателем специально, с целью подчеркнуть своеобразие эпохи, незатейливый духовный мир людей того времени.

Подводя итог нашему анализу, можно отметить следующее. «Пётр Первый» написан в чисто русском, национальном, народном стиле. Важным элементом языка данного произведения является лексика, передающая национально-культурную специфику и исторический колорит изображаемой автором эпохи. Перед китайским переводчиком стояла, таким образом, весьма сложная задача воссоздания этих характерных черт романа, тем более что устаревшие слова русского языка часто не имеют полных эквивалентов в китайском. В целом можно констатировать, что в плане семантическом, поскольку речь идёт об устаревшей лексике, текст на переведенном языке соответствует оригиналу, однако в нём наблюдаются определённые стилистические несоответствия исходному тексту.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе: монография. – М.: Высшая школа, 1986. – 384 с.
2. Евгеньева А.П. Словарь русского языка: В 4-х т. – М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. [Электронный ресурс]: [Сайт]. – URL: <http://feb-web.ru/feb/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 23.10.2013).
3. Толстой А.Н. Пётр Первый. – М.: Захаров, 2004. – 752 с.
4. Толстой А.Н. Собрание сочинений в 10-ти томах. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. – 6280 с.
5. Zhu Wen. “Peter the Great” Chinese version. – Beijing.: Renmin, 1986. – 878 с.